

Листопад

Он—собиратель дождя и снега,
А нынче выдался листопад!
Летели листики в небо, с неба—
Цветные тучи его левад.
Вот этот, красный, листок осины—
Излом улыбки—блестит атлас!
А тот, зелёный до половины,—
Миндаль таких невозможных глаз!
Портрет составит, потом размоет—
Игра, да толку-то в ней—пустяк!
Но почему-то он вновь разводит
Тон акварели. Да что ж не так?..
На распростёртые крыши льётся
Осенний—серый, безмолвный сплин.
В бульварной—пиво, под песни Отса,
А он—потомственный дворянин,
По совместительству вольный дворник,—
Своей метлой изменяет мир.
И ворох тлеет, и ветер гонит
За тучей тучу на материк.

Закатное

Медовый жёлто-огненный оттенок
Дороги, скользящей в низину,
Бежит от бронзовеющих полей,
А группа почерневших тополей,
Смотрящих в небо,—подражая клину,
Пытается взлететь опасным креном.
И горизонт—как первая лыжня:
То пропадает, то косицей вьётся...
А где-то в Амстердаме светит солнце
Большое—не закроет пятерня...
Как масло томно капает с блина—
Течёт закат, слегка загустевая
В рябиновой начинке сентября.
И выпито вино, верней—вина,
Под колокол святого Грустевая.
Уходит солнце красное, спеша...
Я не держу, я—хлебная душа.
Сижу, рогалик лунный обнимая.

Пусть говорят

Пусть говорят: какая глухомань!
А я туда, как на источник, еду,
Там дед меня с прутом искал к обеду,
А в банный день меня хоть вновь аркань.

К тебе теперь я еду на денёк,
Где пряталась в таких огромных травах,
Чтобы узнать знакомый вкус и запах
И надкусить осоки стебелёк.

Уйти за ароматом трав в закат,
Дойти до места, где дорога в гору,
И не найти, как прежде, мандрагору,
В беспамятстве бродить, бродить, искать.

За что люблю я эту глухомань—
За тишину и память, где всё свято.
И только речка стала мелковата—
Лишь голову макнуть, как в иордань.

Измяла травину осоки...

Измяла травину осоки—
Шершавый язык-стебелёк.
Под солнцем у пыльной дороги
Поблёк голубой мотылёк.

Купальницы нежное платье
Сухие ветра теребят...
Той гордой, особенной статью
Берёзы встречают тебя.

На ветках качели устроим—
Как в детстве мы были легки!
Заспорим, и эхо в повторе
Встревожит одни лопухи.

Берёзки светлы и пригожи!
Вьют косы—их сто под платком!
Зачем-то считаешь, итожишь...
Считаешь,
Итожишь...
Итожишь...
И на спор идёшь босиком...

Пугливая птица

*Ему теперь уже больше не снились ни бури,
ни женщины, ни великие события,
ни огромные рыбы, ни драки,
ни состязания в силе, ни жена.*

Э. Хэмингуэй. Старик и море

Мне больше не снятся ни салки, ни прятки,
Ни ссоры не мучают сон, ни обиды.
Во сне произносятся тихие клятвы—
Приходят блаженные сны, как молитвы.

Их ночи приносят с распевами сосен,
Рыжеющих, звонких, поющих о ветре.
Вдыхаешь, вздыхаешь над пропастью в осень.
И дальше идёшь по наитию, в метре...

Пугливая птица, зацвиркает: «Сон...Сой...»
Шепнёшь осторожно: «Да ладно, сердечко!
Ты здесь не случайно, по прихоти сонной,
Ну что ж, проводи до стремнины у речки».

С охоты вернувшись, похожую птаху
Мне бросил отец: «Ощипай-ка на ужин».
Я знаю, под перьями—рябушки страха,
И в сердце твoroжился инеем ужас.

В ладонь умещался скелетик пичуги,
И слёзы текли по щекам, не стихая.
Душа обретала подобье кольчуги,
Я стала—другая.

Давно мне не снятся ни люди, ни страсти,
А птица нет-нет да вспорхнёт ненароком.
У каждой своё золотистое «здравствуй».
Лети, моё сердце! Лети, черноока!

Опять просыпаюсь под шум говорливых—
Ведь сердце давно в их раю голубином.
Здесь словно бы маслом поспевшей оливы
Полощут гортани. И пробуют вина...

Назову твоим именем

У букета названия нет, но
В этой кипени что-то от воли...
Назову твоим именем поле,
Назову своим именем—лето.

Где ты, Лето?—летит в разговоре.
Поле! Боже, прости сумасбродку!
Назову твоим именем лодку,
Назову своим именем—море.

Небо гладит рукою рогожку,
Рожью пахнут лучины из стога.
Назову твоим именем—Бога,
А своим—мир, размером с ладошку...

Твой букет стал короной с улиткой,
Испеклась золотая картошка...
Я тебя называю хорошим,
Ты меня называешь—улыбкой.

Давай с тобой построим дом...

Давай с тобой построим дом,
В нём будут жить твои мечты,
И будет место для четы
Печных сверчков, за камельком.

Я буду ткать свои ковры.
В рисунок хитрых завитков
Цветы вплетаются легко
Под песни бабушки Зухры.

Натрём крупнее толокна
И позовём на свой карниз
Сыграть изысканный каприз
Стрижа с соседнего окна.

И каждый вечер будет тих.
Я так люблю, когда жара
Уходит молча со двора
Под запах спелых облепих.

Дудук у бабушки Мито
Загхнет где-то в облаках.
Я счастье прячу в кулаках.
Давай с тобой построим дом.

Город

*Я ли свой не знаю город?
А. Кушнер. Сон*

Я ли свой не знаю город?
Вот район, где я росла,—
раньше было много горок,
но давно сожгли дотла...

Вот район, где я влюбилась,—
что ни камень, то маршрут.
Шёл на память «Наутилус»,
был в почёте Абсолют.

Вот район, где вышла замуж.
Тоже вроде высота.
Кашу делаю с сезамом,
дети ходят в полсытá...

Перестройка, перестройка—
перегоре, перестрах.
Разрастался только бойко
голод в голых городах...

Так, вернусь к своим районам...
Кладбище слоится вирирь.
Здесь разгул седым воронам,
но не видно ни души.

Город, скольких ты запутал,
скольких вывел на большак?
Тут следы по первопутку,
что гранитные, молчат.